

Министерство культуры Российской Федерации
Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль»

Сообщения Ростовского музея

Выпуск XXV

Ростов
2020

**«Ростовци, которые служат великому
князю»: к вопросу о Ростове
как удельном центре великого княжения
Московского второй половины XV в.**

С. В. Городилин

Момент окончательного завершения существования Ростовского княжения не вызывает в историографии каких-либо заметных расхождений. Все исследователи согласно датируют это событие зимой 1473–1474 гг., когда, по летописному сообщению, ростовские князья продали великому князю Ивану Васильевичу еще остававшуюся за ними к этому времени «свою отчину, половину Ростова съ всѣмь»¹. Однако есть обстоятельство, осложняющее эту ясную на первый взгляд картину. Дело в том, что Ростов «со всем, что к нему потягло», еще по духовной грамоте умершего 27 марта 1462 г. великого князя Василия Васильевича получила его вдова, Мария Ярославна². В соответствии с выраженной в завещании волей супруга великая княгиня после получения Ростова не должна была «вступаться» в сохранявшиеся там права ростовских князей. Купивший у них вторую половину Ростова сын Марии и Василия, государь всея Руси Иван Васильевич затем передал матери и эту оставшуюся часть, и Ростов уже целиком оставался за великой княгиней вплоть до ее кончины 4 июля 1485 г.

Мария Ярославна, верная спутница Василия Темного на всем протяжении его полной как падений, так и взлетов судьбы, была правнучкой великого Ольгерда, внучкой знаменитого полководца князя Владимира Андреевича и сестрою не менее известного военачальника Василия Ярославича Серпуховского³. Насколько можно судить, то несомненно серьезное влияние на политическую жизнь великого княжества Московского, которое Мария оказывала во второй половине XV в., определялось не только ее родственными связями и ее высочайшей династической ролью, но и личными качествами этой женщины. Именно ей «приказал» Василий Васильевич в своем завещании сыновей, и именно ее велел тем слушаться во всем вместо отца. Эту обычную для духовных грамот великих князей роль

¹ Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). М., 2000. Т. 24. С. 194.

² Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950 (далее — ДДГ). № 61. С. 195.

³ Кучкин В. А. Московские Рюриковичи (генеалогия и демография) // Исторический вестник. 2013. Т. 4 (151). С. 19–22, 26–35.

арбитра в непростых отношениях внутри великокняжеской семьи Мария продолжила играть на протяжении всей оставшейся ей жизни, уверенно сохранив за собою (что уже куда менее обычно) даже и после достижения ее старшим сыном, великим князем Иваном, вполне уже зрелого возраста. Вмешательство княгини-матери способствовало разрешению острых конфликтов между братьями-Васильевичами в 1473 и в 1480 гг., она участвовала в принятии решений об отпуске на княжение рязанского великого князя Василия Ивановича⁴, о браках своих сыновей — в том числе и Ивана с Софьей Палеолог, с ней, по известиям летописей, государь советовался и перед походами на Новгород 1471 и 1477–1478 гг., и во время стояния на Угре в 1480 г., когда она в отличие от своей невестки Софьи осталась «въ осаде въ городе Москвъ»⁵. Более того, известно замечание весьма информированного независимого летописца⁶ под 1480 г. о том, что Иван тогда «много нелюбия подержа на мать, мнев, яко та сдума братье его от него отступити, понеже князя Андрея велми любяше»⁷, подобные же слухи циркулировали тогда и при восточноевропейских дворах⁸, и все это явно свидетельствует, что Мария Ярославна воспринималась современниками как политический актер с собственным видением происходящего и с позицией, не всегда соответствовавшей одним лишь интересам старшего из ее сыновей. То обстоятельство, что на протяжении всего этого времени за княгиней-матерью сохранялся принадлежащий ей Ростов, неизбежно побуждает принять во внимание и такую гипотетическую возможность, согласно которой фактическое существование Ростовского княжества определенным образом может быть продлено — разумеется, уже

⁴ Тот сразу женится на единственной дочери Марии и Василия Анне, см.: ПСРЛ. М., 2005. Т. 25. С. 278.

⁵ ПСРЛ. Т. 24. С. 199; Т. 25. С. 327; М., 2006. Т. 26. С. 264.

⁶ О нем см.: Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976. С. 229–239; Клосс Б. М., Назаров В. Д. Рассказы о ликвидации ордынского ига на Руси в летописании конца XV в. // Древнерусское искусство XIV–XV вв. М., 1984. С. 302–306; Их же. Летописные источники XV века о строительстве московского Успенского собора // История и реставрация памятников Московского Кремля. М., 1989. Вып. 6. С. 30–38; Кустерев С. Н. К реконструкции протографов Софийской второй и Львовской летописей // Вспомогательные исторические дисциплины (далее — ВИД). СПб., 2005. Т. 29. С. 406–407; Его же. Эпизод истории частного московского летописания XV в. // Летописи и хроники. Новые исследования. 2008. СПб., 2008. С. 152–171.

⁷ ПСРЛ. М., 2001. Т. 6. Вып. 2. С. 223; М., 2005. Т. 20. С. 337; Клосс Б. М., Назаров В. Д. Рассказы о ликвидации ордынского ига... С. 307–313.

⁸ 30 мая 1480 г. послы магистра Тевтонского ордена в Ливонии Берндта фон дер Борха к Казимиру IV Ягеллону сообщали, что, как говорят, Мария Ярославна втайне противодействовала предлагавшему братьям примирение великому князю и передала своим мятежным сыновьям, чтобы те не верили его обещаниям («Ere moder stack dat hemelich doer unnd both en to, dat sze deme geloven nicht enlofften»): Liv-, Est- und Kurländisches Urkundenbuch. Abt. 1. Bd 14. 1480–1483 / Bearb. Ch. Gahlbeck, M. Mahling, K. Neitmann, M. Thumser. Wien, Köln, Weimar, 2019. № 116.

в несколько ином качестве, в виде удельного центра великого княжения Московского, — вплоть до 1485 г., являя собою в некотором смысле пост-скрипtum в истории этого государственно-политического образования, своего рода «жизнь после смерти».

Принятию подобного рода возможности применительно к истории Ростова второй половины XV в. способствуют и такие внешние факторы, как чрезвычайно долгое бытование по отношению к русскому средневековью в общественном сознании и в отечественной историографии парадигмы «удельного периода истории Руси», а также давно уже устоявшееся восприятие второй половины XV — первой половины XVI вв. как эпохи, когда после объединения под великокняжеской властью будущей территории Московского государства Нового времени основным содержанием политического процесса становится противостояние усиливающейся централизации и *удельных начал*, завершающееся в итоге ликвидацией *удельных княжеств*. В отношении удельного Ростова данная позиция в историографии пока что впрямую сформулирована не была, однако в не столь явном виде присутствует постоянно. Не случайно в работе, посвященной присоединению Ростовского княжества к Москве, Г. В. Семенченко уверенно говорил о передаче второй половины Ростова под *суверенитет* великой княгини Марьи Ярославны, а о самой княгине, начиная уже с 1462 г., — как о «верховой правительнице всех ростовских земель (включая владения ростовских княжат, купленные Иваном III)»⁹. С. В. Стрельников, солидаризуясь с этим мнением, также пишет об обладании великой княгиней-матерью именно «политической властью над территорией» Ростова и о передаче ей того *суверенитета*, которым прежде обладали местные князья. Кроме того, историк предположил, что еще до покупки у этих князей остававшейся за ними власти, к 1473/74 г. в Ростове уже была проведена всеобщая проверка прав собственности, которую сопровождали носившие «массовый характер» изъятия сел у части вотчинников¹⁰. По мнению С. В. Стрельникова, по масштабам и целям такая «ревизия феодального землевладения в Ростовской земле» аналогична известному «перебору» людей и земель великокняжескими представителями в середине 1460-х гг. в только что присоединенном Ярославле, при этом в ростовском случае она была связана «не с именем великого князя Ивана III, а с именем его матери великой княгини Марии Ярославны»¹¹.

С учетом всего этого не удивительно, что, например, по поводу вопроса, куда именно могли в середине 1460-х гг. отправиться из вологодского удела к «руководителю администрации кнг. Марии» с просьбой о пожаловании посланцы далекого Глушицкого монастыря, ученые говорят

⁹ Семенченко Г. В. Присоединение Ростовского княжества к Москве // Вопросы истории. М., 1986. № 7. С. 174.

¹⁰ Стрельников С. В. Землевладение в Ростовском крае в XIV — первой трети XVII века. М.; СПб., 2009. С. 87, 88.

¹¹ Стрельников С. В. Землевладение в Ростовском крае... С. 88, 114, 162.

об их вероятном в таком случае «путешествии в Ростов или Москву»¹². Таким образом, оба эти центра рассматриваются как равно возможные места средоточия всей политической и административно-хозяйственной власти, принадлежавшей княгини-матери. Точно так же и выбор представителями пошехонской ветви белозерских князей адресата их службы связывается с тем, что отчины этих князей располагались ближе к вологодскому уделу Андрея Меньшого, чем к «Ростову — центру владений Марии Ярославны»¹³. По мнению М. М. Беляковой, уверенно опирающейся тут на предшествующую историографию, «до 1485 г. Ростов оставался удельным княжеством», и на протяжении этого периода к нему в полной мере относимы представления о «сепаратистских тенденциях» и даже о «сепаратизме внутри великокняжеского рода», при этом автор специально отметила, что и в сознании современников Ростовская земля также не воспринималась как находящаяся в полной зависимости от великого князя: лишь только уже после смерти княгини-матери город действительно вошел в состав великокняжеских земель¹⁴. Крайним выражением подобных взглядов на характер отношений Марии с ее удельным городом выглядит позиция Б. М. Клосса. Тот прямо основывает гипотезу о происхождении Летописного свода 1472 г. на своей уверенности в том, что великая княгиня перебирается «после 1462 г. жить в Ростов», где с этого момента и пребывает ее двор, при котором ведется летописание¹⁵. Этим обстоятельством, как представляется исследователю, и следует объяснить внимание памятника «к Ростову и событиям на землях, входивших в Ростовскую епархию».

В рамках подобных представлений обретает надлежащее место и то, что в специально посвященной удельным князьям и их дворам второй половины XV — первой половины XVI вв. статье А. А. Зимина, в которой по поводу известной ленинской цитаты о государстве, в эпоху Московского царства еще распадавшемся «на отдельные земли, частью даже княжества, сохранявшие живые следы прежней автономии»¹⁶, отмечено, что история самих этих княжеств изучена еще недостаточно, такие понятия, как «удел» и «удельное княжество», последовательно употребляются ученым

¹² Грязнов А. Л. Русский удел начала XV в. через призму монастырской истории. Бохтужское княжество и землевладение Дионисьево-Глушицкого монастыря в XV в. // Средневековая Русь. М., 2014. Вып. 11. С. 361.

¹³ Грязнов А. Л. Белозерские князья в годы правления Ивана III // Великое противостояние на Угре и формирование Российского централизованного государства: локальные и региональные аспекты. Калуга, 2017. С. 142.

¹⁴ Белякова М. М. «Повесть о Петре, царевиче ордынском» в историко-литературном контексте (к вопросу о датировке произведения) // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 46. С. 77, 87.

¹⁵ Клосс Б. М. Предисловие к изданию 2004 г. // ПСРЛ. М., 2004. Т. 23. С. V.

¹⁶ Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? (Ответ на статьи "Русского богатства" против марксистов) // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М., 1967. Т. 1. С. 73.

как синонимы¹⁷. Рассказ о «Ростовском уделе княгини Марии» помещен в этой работе между вологодским уделом князя Андрея Васильевича и верейско-белозерским — Михаила Андреевича¹⁸. Там вкратце изложена история удела, уточнен состав удельного двора, а также сообщается, что Мария «подтвердила многие грамоты Василия II на ростовские земли, выдавала грамоты сама, судила поземельные тяжбы», и приводятся ссылки на публикации этих актов¹⁹. А. А. Зиминым указывается, что пост ее ростовского наместника занимал Григорий Романович Курица Каменский, а Яков Иванович Курица Сорокоумов-Глебов «служил дворецким в Ростове у княгини Марии»²⁰.

Дополнив существующую историографию обращением к упоминаемым в ней источникам, можно отметить, что там неоднократно фигурируют ростовские наместники великой княгини, упоминаются ее мытники в Ростове, земельные сделки в Ростовской земле докладываются боярину великой княгини, а ее судья назначается арбитром в случае спора между ростовскими вотчинниками²¹. Известный ростовец дьяк Степан Бородатый после смерти великого князя Василия Васильевича переходит к Марии Ярославне²², дядя ростовца, будущего св. Корнилия Комельского Лукьян тоже оказывается у нее на службе, за ним следует и живший в Ростове отец Корнилия Федор, а также и сам юный Корнилий²³. Представитель служившего еще ростовским князьям боярского рода Илья Борисович получает от Марии подтверждение иммунитета для своего села и именуется в акте ее боярином, она выдает жалованную грамоту и на ростовский двор Троице-Сергиева монастыря, а в указной грамоте своему ростовскому наместнику по поводу митрополичьей волости Караш княгиня-мать говорит о «моих приказниках ростовских» и даже о «моих людях, великой княгини, ростовцах»²⁴.

¹⁷ Зимин А. А. Удельные князья и их дворы во второй половине XV и первой половине XVI в. // История и генеалогия. С. Б. Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований. М., 1977. С. 161–163, 182, 184–189.

¹⁸ Зимин А. А. Удельные князья и их дворы... С. 173–174.

¹⁹ Зимин А. А. Удельные князья и их дворы... С. 173; *Его же*. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988. С. 293.

²⁰ Зимин А. А. Удельные князья и их дворы... С. 174; *Его же*. Формирование боярской аристократии в России... С. 219.

²¹ Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв. (далее — АФЗХ). М., 1951. Ч. 1. № 7. С. 26; Акты социально-экономической истории (далее — АСЭИ). М., 1964. Т. 3. № 255. С. 276; АСЭИ. М., 1952. Т. 1. № 445.

²² См.: Алексеев Ю. Г. У кормила Российского государства: Очерк развития аппарата управления XIV–XV вв. СПб., 1998. С. 161–162, 178.

²³ Житие Корнилия Комельского // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2005. Т. 13. С. 306.

²⁴ Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII в. (далее — АСЗ). М., 1997. Т. 1. № 66. С. 56; АСЭИ. Т. 1. № 349. С. 255; АФЗХ. Ч. 1. № 7. С. 26.

Следует также учесть многослойность и глубину связей Марии с Ростовом: еще в 1430–40-х гг. ее муж и ее свекровь Софья Витовтовна считали ростовский Борисоглебский монастырь особо значимой для семьи обителью, и именно борисоглебский игумен Питирим крестил в 1440 г. сына Марии, будущего Ивана III²⁵. В 1445 г. после большого московского пожара именно в Ростов на время уезжают обе великие княгини, Мария и Софья, а в 1458 г., когда архиеп. Феодосий Ростовский из-за своей позиции в богословском споре о постах подвергся санкциям митр. Ионы, именно Мария Ярославна смогла примирить с ним Феодосия, получив от ростовского владыки в благодарность за это село Петровское²⁶.

В целом совокупность приведенных мнений и фактов легко складывается в убедительную картину ростовского удела великой княгини как территориального образования с собственной внутренней политико-административной структурой, которое от воздействий извне на протяжении достаточно продолжительного времени прочно защищают чрезвычайно высокий политико-династический статус и личное влияние «верховной правительницы» Марии Ярославны, и которое, в свою очередь, служит надежной поддержкой и весомым подкреплением этого ее статуса. Ростов в рамках такой картины играет роль центра всех владений княгини-матери и места пребывания ее двора. С учетом того, что военные силы Марии, ее двор даже в общероссийских военных акциях уровня похода на Новгород 1477–1478 гг. выступают самостоятельно, отдельно, с собственным воеводой Семеном Федоровичем Пешком-Сабуровым (в актах он фигурирует как один из продавцов ростовской вотчины, двух сел с деревнями, своим племянникам), возникает соблазн предположить, что удел великой княгини и ее двор могли стать для прежней ростовской знати той формой, в рамках которой для представителей этой знати сохранялась возможность на какое-то время поддержать значимые клановые, семейно-родственные, служебные и поземельные взаимоотношения внутри своего сообщества, а также сберечь восходящую к периоду независимости Ростова местную ростовскую идентичность — комплекс идей, представлений и символов, скреплявших данную общность и предопределявших ее единство. Место центра символических и реальных политических связей этой социальной группы, прежде принадлежавшее правившим представителям династии ростовских князей — потомков великого князя Константина Всеволодича, по логике такого предположения теперь должна была занять великая княгиня, но значительная часть самих связей при этом могла бы сохраниться

²⁵ Согласно ростовской традиции (см.: ПСРЛ. Т. 24. С. 183; Повесть о Борисоглебском монастыре (около Ростова) XVI века / сообщ. Хр. Лопарева // Памятники древней письменности и искусства. СПб., 1892. Вып. 86. С. 12; Стрельников С. В. Землевладение в Ростовском крае в XIV — первой трети XVII века. С. 44–48).

²⁶ ПСРЛ. Т. 20. С. 263.

в относительно неизменном виде, несмотря на смену, если тут уместно воспользоваться часто заимствуемым у западноевропейской медиевистики термином, сеньора.

Данную гипотезу стоит рассмотреть на базе более широкой совокупности источников. Во-первых, уточним, что именно в Ростове получает Мария Ярославна, и как, когда и от кого именно она это получает. Василий Васильевич в своей духовной оставил ей «Ростов и со всем, что к нему потягло, и с селы своими». Все это, как и прочие завещанные ей владения и пошрины, должно перейти к княгине после кончины супруга, однако передаваемые ей права в Ростове оказываются ограничены тем же образом, как, судя по завещанию, они были ограничены и у Василия: «А князи ростовские что ведали при мне, при великом князи, ини по тому и держат и при моей княгине, а княгини моя у них в то не вступается»²⁷. Насколько возможно судить, власть в Ростове великие князья Московские приобретают в самом конце княжения Василия Дмитриевича²⁸, и, с учетом летописного сообщения о великокняжеском наместнике в этом городе под 1433 г., упоминания Ростова в составе великокняжеского титула в договоре с Казимиром 1449 г., а также ряда великокняжеских актов на ростовские земли, так или иначе сохраняют ее на протяжении всего правления его сына Василия²⁹. Эта власть, как можно понять, была получена Василием Дмитриевичем от представителей старшей ветви ростовских князей, потомков Федора Васильевича, которых принято называть Сретенской ветвью Ростовского княжеского дома. Пределы приобретенной великим князем власти были ограничены

²⁷ ДДГ. № 61. С. 195.

²⁸ В опубликованном А. В. Антоновым и К. В. Барановым акте упомянута жалованная грамота этого великого князя ростовскому боярину на село в Ростове (АСЗ. М., 1997. Т. 1. № 66). Перечень великих князей, выдававших пожалования Ростовскому архиерейскому дому до 1555 г., также начинается с Василия Дмитриевича (*Стрельников С. В.* Ростовские грамоты XV–XVI вв. // Русский дипломатарий (далее — РД). М., 2003. Вып. 9. С. 41). Кроме того, именно в начале 1420-х гг., насколько известно, в Ростове прекратился чекан собственных денег, на одной из сторон которых указывалось имя главы старшей ветви ростовских князей Федора Андреевича (*Титов Г. А.* Об одной группе монет с именем князя Федора // Русь, Литва, Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики. Минск; М., 2016. Вып. 2. С. 132), а начиная с сына Федора Александра представители этой ветви больше уже не упоминаются в качестве правящих. При этом сам Александр до марта 1434 г. княжит в Пскове «из руки» великого князя (что можно рассматривать как своего рода компенсацию за отказ от связанных с отчинным столом властных полномочий; подробнее см.: *Городилин С. В.* К вопросу о брачных связях псковской элиты в первой трети XV в. // Археология и история Пскова и Псковской земли. Вып. 30. Материалы 60 заседания. М.; СПб., 2015. С. 79–80). Сын же Александра князь Дмитрий известен как владелец вотчины в подконтрольном Москве Бежецком Верху где-то между второй половиной 1430-х и началом 1450-х гг. (АСЭИ. Т. 1. № 147, 148; *Каштанов С. М.* Очерки русской дипломатики. М., 1970. № 5, 16).

²⁹ ПСРЛ. Т. 25. С. 250; ДДГ. № 53. С. 160; АСЗ. Т. 1. № 66; АСЭИ. Т. 1. № 98, 107, 243.

тем, что младшая, Борисоглебская ветвь ростовских князей свою часть прав в Ростове при этом не утратила, а сохранила за собою вплоть до упоминавшейся выше сделки зимы 1473–1474 г. по продаже оставшейся за ними половины. Судя по всему, Василию Дмитриевичу перешли «старейшее княжение» в Ростове и монополия на сношения с ханом по поводу Ростовского княжения и ростовского «выхода» в Орду, а также половина власти в городе и тянущих к нему землях и, очевидно, половина городских торговых и судебных пошлин. Другая половина оставалась за местными князьями младшей ветви, и их глава Владимир Андреевич назван под 1458 г. как правящий в Ростове князь, а представители возглавляемой им его «братии», «князи ростовские» упоминаются актами середины — третьей четверти XV в. как обладатели судебных и административных прав в городе и его округе одновременно с представителями там московской власти³⁰. Помимо обретенных в Ростове властных правомочий, еще с XIV — начала XV вв. в собственности великих князей находилось несколько ростовских сел.

Эта предыстория определила тот объем власти в Ростове, который передавался княгине-матери по духовной мужа: как можно понять, она получала права управления городом и его округой через посредство своего наместника и своих «приказников», осуществления там суда и сбора пошлин, но эта деятельность производилась совместно с представителями младшей ветви ростовских князей, и вторгаться в их сферу ведения Мария не могла, а собираемые доходы распределялись в соответствии с половинным делением. К великой княгине перешли также великокняжеские села в Ростове, судебно-административная власть над их населением и полные права на доходы от этих сел. Кроме того, она была вправе выдавать от своего имени жалованные грамоты ростовским землевладельцам, но, впрочем, при этом точно так же не должна была затрагивать прерогатив местных князей, а все дошедшие до нас ее ростовские пожалования основаны на ранее выданных актах ее мужа³¹. Любые отношения с Ордой в связи с Ростовом, разумеется, также оставались за великим князем. Важно заметить, что пределы власти Марии Ярославны в Ростовской земле завещание ограничивало не только по объему: она еще и не могла распоряжаться полученным Ростовом

³⁰ Николаева Т. В. Произведения русского прикладного искусства с надписями XV — первой четверти XVI в. (Археология СССР. Свод археологических источников. Е1–49. М., 1971. С. 29–30, 92–94 (№ 100)); АСЗ. Т. 1. № 66; АСЭИ. Т. 1. № 107; ДДГ. № 61. С. 195.

³¹ Вопреки Зимину, заявлявшему, что Мария «подтвердила многие грамоты Василия II на ростовские земли», из перечисленных там самим же ученым многих актов к ростовским землям относится всего лишь один: на двор Троице-Сергиева монастыря в Ростове, все прочие же касаются владений в Нерехте, на Киржаче и в Соли Галицкой. Помимо этой грамоты, выданной на основании предшествующего пожалования супруга великой княгини, с Ростовом связано только уже упоминавшееся ее подтверждение боярину Илье, иных грамот, посвященных Ростовской земле, среди почти 60 известных актов Марии Ярославны не имеется.

и великокняжескими селами там. Великая княгиня согласно прямому указанию духовной лишь «держала» все это до своей кончины, а затем обязывалась передать точно так же по завещанию своему сыну Юрию. Тот после предполагаемого получения Ростова тоже должен был соблюдать все те же самые ограничения по поводу того, что там «держат» и «ведают» ростовские князья³².

Другая важная в нашем случае деталь, связанная с властью Марии над Ростовом, это сам момент перехода к ней там реальных властных полномочий. Историографическая традиция по умолчанию полагает, что это произошло при вступлении завещания ее мужа в силу, то есть 27 марта 1462 г. или, во всяком случае, вскоре после этого. Однако ситуация видится нам несколько более сложной. В упоминавшейся грамоте ростовцу Илье Борисовичу, выданной великим князем Василием Васильевичем, есть и последующие подтверждения этого пожалования — одно от имени Ивана Васильевича и два от имени Марии Ярославны. Первое — «...По сей грамоте князь великий Иван Васильевич пожаловал боярина своего Илью Борисовича, наместником своим ростовским сей грамоты рушити не велел ни в чем, а велел им ходити по сей грамоте во всем, как в ней писано» — убедительно датировано публикаторами 1462–1467 г. по упоминанию подписавшего его дьяка Алексея Полуектова, попавшего в 1467 г. в опалу³³. Но, таким образом, судя по этому подтверждению, после смерти Василия власть в Ростове осуществляет отнюдь не Мария, а новый великий князь и его наместники, подтверждения же княгини-матери добавляются только уже позже. Это подкрепляется и тем обстоятельством, что еще одна грамота Василия Васильевича, также связанная с его наследием, но с вологодскими землями, которые по завещанию получал его младший сын Андрей, отразила сходную последовательность пожалования и его подтверждения: последнее также сделано от имени Ивана Васильевича, подписано тем же Алексеем Полуектовым и чрезвычайно близко ростовскому в текстуальном отношении³⁴. Известно, что из-за малолетства во власть в своем уделе Андрей вступил не сразу после смерти отца, а позднее, лишь во второй половине 1460-х гг. (его первый акт относится к 1467 г.). До этого момента его уделом некоторое время управляла мать, и лишь тогда, когда тот достиг надлежащего возраста, «отпустила» великая княгиня «сына своего меньшого Андрея на удел на Вологду», выделив для службы Андрею и часть своих бояр и дьяков³⁵. На основе данного подтверждения А. Л. Грязнов правомерно заключил,

³² ДДГ. № 61. С. 195.

³³ АСЗ. Т. 1. № 66. С. 55–56.

³⁴ АСЭИ. Т. 3. № 253. С. 275.

³⁵ *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 250, 379, 416; *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России... С. 173–174; *Грязнов А. Л.* Белозерские князья в годы правления Ивана III... С. 140.

что и у Марии в Вологде также был предшественник: после смерти Василия Темного «Иван III некоторое время владел вологодскими землями (до выделения уделов кнг. Марии и Андрея Меньшого)»³⁶. С этим следует согласиться, распространив действие вывода (с учетом аналогичного подтверждения в ростовском акте) и на ростовские земли³⁷. Насколько можно судить, после кончины отца Иван вступил в великокняжеские права и взял на себя выполнение отцовской воли в части наделения членов семьи завещанными им землями, что в случае уделов Андрея Меньшого и Марии привело к назначению туда его наместников, выяснению сложившейся там административной и владельческой ситуации и выдаче подтверждений жалованных грамот от имени Ивана Васильевича местным владельцам, которые даже, как можно заключить из грамоты Илье Борисовичу, именуются теперь уже его боярами. Представителям великой княгини власть там была передана лишь позднее. Таким образом, в свои ростовские полномочия Мария вступает вовсе не сразу же весной 1462 г., а лишь после того, как передаваемыми ей по завещанию мужа владельческими правами ее наделил новый великий князь, ее сын, и это явно должно было занять определенное время³⁸.

Нужно, однако, выяснить, насколько сама княгиня-мать спешила принять на себя эти завещанные ей властные prerogatives в Ростове. Значимым здесь видится замечание ростовского владычного летописца, который к присутствующему и в московском летописании известию о ее поездке летом 1472 г. из Москвы в Ростов прибавляет: «поехаша великая княгини Марья въ свой градъ Ростовъ впервые после великого князя Василья Васильевича»³⁹. То, что ростовский автор специально обратил внимание на данный факт, вкпе с десятилетним отсутствием Марии в собственном удельном городе, видится весьма выразительным. Даже

³⁶ Грязнов А. Л. Русский удел начала XV в. через призму монастырской истории. Бохтюжское княжество... С. 357. Примеч. 117. Тот же факт отражен и в пожаловании Василия Васильевича Кирилло-Белозерскому монастырю, подтвержденном сначала Иваном, а затем Андреем Васильевичами (АСЭИ. Т. 2. № 101).

³⁷ А также, очевидно, и на удел Андрея Большого, которому были завещаны Углич, Бежецкий Верх и Звенигород. Пожалование троицкому игумену Вассиану на бежецкие Присеки 17 мая 1462 г. было выдано Иваном Васильевичем, а Андрей лишь подтверждает акт «брата своего старейшаго, великово князя» уже при игумене Спиридонии (1467–1474) (АСЭИ. Т. 1. № 304).

³⁸ У А. Л. Грязнова применительно к этому сказано о «годе-двух после смерти Василия II», что видится вполне вероятным: Грязнов А. Л. Русский удел начала XV в. через призму монастырской истории. Бохтюжское княжество... С. 357. Примеч. 117. Заметим также, что пожалование на владычную слободу Караш выдается по грамотам своего отца и деда великим князем Иваном Васильевичем митр. Феодосию, то есть между 1462 и 1464 гг., а Мария Ярославна дала жалованную грамоту о суде «на рубеже» между жителями Караша и ее ростовцами только лишь уже сменившему Феодосия в 1464 г. митр. Филиппу (АФЗХ. Т. 1. № 3, 7).

³⁹ ПСРЛ. Т. 24. С. 192.

и этот ее отъезд из великокняжеской столицы легко можно было бы связать с полученным в Москве известием о начале похода хана Ахмата на русские земли (великие княгини в таких случаях часто отправлялись на более безопасный северо-восток), а не с намерением наконец-то посетить свой много лет назад завещанный ей город. Именно так выглядит ее отъезд в известии, дошедшем в Вологодско-Пермской летописи: царь Ахмат двинулся на Русскую землю и «слышавъ же то, князь великий посла воевод своих к берегу со многими силами, а княгини великая Марья поехала к Ростову»⁴⁰. Однако такой интерпретации противостоит указание независимого летописца, по которому организации перенесения мощей митр. Петра в строящемся Успенском соборе предшествовало то, что «княгиня великая Маріа, мати князя великаго Ивана Васильевича, захотѣла въ Ростовъ ѣхати», и торжество состоялось 1 июля⁴¹. Из других источников известно, что в Ростов Мария выехала 2 июля, то есть сразу же, уже на следующий день⁴². Таким образом, поездка все же состоялась вроде бы не из-за татарской угрозы (или, вероятнее, не только из-за нее), а по собственной воле княгини, но в любом случае очевидно, что на протяжении прошедшего после утраты супруга десятилетия такой необходимости у «верховой правительницы» Ростова не возникало. Более того, все имеющиеся последующие известия о ее местопребывании, начиная с ноября 1472 г., также отмечают присутствие великой княгини Марии, а после ее пострижения в кремлевском Вознесенском монастыре в 1478 г. «княгини-иноки Марфы» лишь в Москве, где она участвует в важнейших событиях политической и духовной жизни государства. Указание, что невеста внука Марии великого князя Ивана Ивановича Елена Стефановна перед свадьбой в 1483 г. жила «у бабы» жениха «у Вознесения», позволяет предположить основное место пребывания княгини-иноки в это время⁴³. Похоронена Мария также в Москве, в том же перестроенном ею в 1467 г. монастырском храме Вознесения, патронат над которым княгиня-мать осуществляла на протяжении многих лет,

⁴⁰ ПСРЛ. Т. 26. С. 249. Версия Московского свода: «Того же лѣта злочестивыи царь Ордински Ахмут подвижесе на Русскую землю со многими силами, подговорен королем. Слышевше же то князь великий посла воевод своих к берегу со многими силами; преже всѣх Федора Давыдовича отпусти с Коломничи, а князя Данило да князя Ивана Стрига со многими людьми на Риз положение к берегу посланы. Того же дни княгини великая Маріа поехала к Ростову, потомъ же князь велики братию свою отпустил со многими людьми к берегу» (ПСРЛ. Т. 25. С. 297).

⁴¹ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 212; Т. 20. С. 298.

⁴² ПСРЛ. Т. 24. С. 192.

⁴³ ПСРЛ. Т. 26. С. 275. Двор княгини-иноки «у Вознесения» («материн двор») упомянут также в записи 1485 г. о заключении великим князем Иваном Васильевичем плененной при взятии Твери вдовы тверского великого князя Бориса Александровича Мазуринского списка Типографской летописи (РГАДА. Ф. 196. Собр. Ф. Ф. Мазурина. Оп. 1. № 533), см.: *Клосс Б. М.* Предисловие к изданию 2000 г. // ПСРЛ. Т. 24. С. IX.

и тут нужно добавить, что известий о каких-то масштабных ктиторских или мемориальных акциях Марии в ее собственном Ростове не имеется⁴⁴.

Убедительных данных, позволяющих понять, как к десятилетнему отсутствию Марии относились прямо упомянувшие о нем в своей летописи ростовцы, у нас нет, как и надежных сведений о том, какую роль унаследованная от мужа власть над Ростовом могла играть в системе ценностей и в представлениях самой княгини-матери. Но некоторые основания для наблюдений о том, как ее удел воспринимали прочие современники, все же имеются. Упомянувшийся ростовский летописец, сообщая о кончине Василия и о последовавшем перераспределении власти между его наследниками, так излагает волю завещателя: «...А великой княгини Марье дасть Ростовь да Романовь»⁴⁵. Это не удивительно: такая последовательность соответствует не только вероятной самооценке ростовцев, но и тексту завещания, и формальной иерархии этих центров (Ростов — один из древнейших городов Северо-Востока, архиепископская кафедра, княжение, принадлежность власти в котором на протяжении долгого времени прямо регулировалась ханскими ярлыками; Романов же — лишь один из городов Ярославского княжения, в церковном отношении подчиненный ростовским владыкам, а ордынская дань от него шла в состав «ярославского выхода» и никогда не платилась отдельно). Важным, однако, кажется то, что московское летописание, сообщая под 1462 г. о завещании великого князя, в части, посвященной составу удела Марии Ярославны, оказывается резко отличным и от ростовского, и даже от текста духовной грамоты: «А казну всю и Романов

⁴⁴ Известна грамота Марии Ярославны о ее крупном поминальном денежном вкладе 1477 г. по старце Пафнутии Боровском, по великому князе Василии Васильевиче «и по всему по нашему роду», согласно которой кирилло-белозерский игумен Нифонт становится распорядителем колоссальной суммы в 500 рублей, пожалованной его монастырю и ряду других северных обителей (АСЭИ. Т. 2. № 249). Тот же Нифонт в феврале следующего года постригает и саму великую княгиню. Однако связь Кириллова монастыря с Ростовской кафедрой и тем более с Ростовом была в то время весьма формальной, как показал конфликт 1478 г. с архиеп. Вассианом: кирилловские чернецы и их игумен предпочитали избегать власти ростовского владыки, апеллируя к своему князю Михаилу Андреевичу (женатому на сестре Марии Ярославны Елене) и к митр. Геронтию. Применительно же к собственно ростовским монастырям данных о каких-то пожалованиях им от княгини-матери нет, зато имеется позднейшее известие, относящее к 1472/73 г. изъятие у ростовского Богоявленского монастыря (наряду с «иными многими») принадлежавшего тому пригородного села с деревнями (в итоге село осталось во дворцовых землях), а также акт, по которому Мария отдает монастырь Николы на Святой Луке с его владениями и всем имуществом, прежде бывший под властью ростовского Борисоглебского монастыря, находящегося в вологодском уделе Андрея Меньшого Спасо-Каменному монастырю, а борисоглебским инокам обещает компенсировать только передаваемую к Спасу движимую собственность (*Стрельников С. В.* Землевладение в Ростовском крае... С. 60 (примеч. 165), 88; АСЭИ. Т. 3. № 268).

⁴⁵ ПСРЛ. Т. 24. С. 24.

городок и что есть властеи и сел въ всем великом княженъе, что бывало за великими княгинями прежними и что сам поимал у кого у измѣнников, многое множество, и прикупили что, то все дал своеи великою княгине Марье»⁴⁶. Таким образом, в отличие от провинциальных ростовцев, современники-москвичи, достаточно развернуто описывая удел Марии, который в историографии уверенно именуется «Ростовским» и даже «Ростовским удельным княжеством», раз за разом забывают упомянуть сам Ростов⁴⁷.

Впрочем, при взгляде на структуру владений великой княгини такое восприятие иерархии центров ее удела не выглядит удивительным. Во-первых, Романов и Усть-Шексну Мария купила у ярославских князей для себя сама еще при жизни мужа⁴⁸. В завещании Василий лишь подтверждает вытекающее и из традиционных норм наследования право княгини самой распоряжаться этой ее личной куплей. Это выгодно отличало Романов в смысле полноты владельческих прав от Ростова, который давался вдове лишь в пожизненное держание, и заранее было известно, что он все равно в итоге рано или поздно перейдет великокняжескому брату Юрию. При этом власть в купленном Романове принадлежала великой княгине безраздельно, в Ростове же на своей половине продолжали княжить ростовские князья младшей ветви, а его верховным собственником оставался великий князь. Помимо сохранявшихся там обширных частных владений ростовских князей обеих ветвей, в Ростовской земле имелись и вотчины великокняжеских служилых людей, а частью ростовских сел владела богатая и влиятельная ростовская кафедра, и властные полномочия новой обладательницы города в отношении всех этих территорий и их населения были весьма далеки от тех, которые бы можно, пользуясь формулой В. Д. Назарова, определить как «суверенитет в его внутреннем измерении». Более того, в реальности к управлению Ростовом в 1462 г. приступили наместники нового великого князя, эту часть наследства еще только предстояло получить, Романовым же Мария уже обладала, и там уже сидели ее представители. Хотя в позднейшей указной грамоте самой княгини, адресованной ее сборщикам пошлин, Ростов в соответствии

⁴⁶ ПСРЛ. Т. 25. С. 278; Т. 26. С. 221; М., 2007. Т. 27. С. 123; М., 2007. Т. 18. С. 215.

⁴⁷ Другой вариант московского известия о том же вообще не упоминает об уделе Марии Ярославны, перечисляя только уделы братьев-Васильевичей и указывая, что мать Андрея Большого, «великая княгини Марія, после великого князя живота придала ему Романов городок на Волзь, а прежде того былъ Ярославское княжение» (на самом деле, передача города Андрею произошла спустя одиннадцать лет после кончины Василия) (ПСРЛ. Т. 23. С. 157). См. также: ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 158; Т. 20. С. 276.

⁴⁸ В. Д. Назаров полагает, что сделка по покупке части владений ярославских князей состоялась после июля 1456 г., вероятнее всего — в промежутке с лета 1460 по февраль 1462 г. (Назаров В. Д. О включении Ярославского княжества в состав Российского государства // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. М., 2015. Вып. 4. С. 67).

со своим номинальным статусом назван перед Романовым⁴⁹, думается, что не только для внешних наблюдателей, но даже и для окружения Марии расположенный на оживленной волжской торговой магистрали Романов, власть в котором людьми великой княгини уже осуществлялась (при этом ее там ни с кем не приходилось делить⁵⁰) и дальнейшая судьба которого зависела лишь от их госпожи, и в 1462 г., и позднее явно был весьма значим и как минимум в этом смысле сопоставим с Ростовом.

Кроме того, в связи с летописными известиями об уделе княгини-матери нужно наконец-то отметить то очевидное обстоятельство, что и имевшиеся у нее при жизни мужа, и полученные ею по завещанию Василия обширные владения, «властей и сел ... многое множество», традиционно называемые ростовским уделом (или даже Ростовским удельным княжеством), вовсе не сводились только к Ростову или к Ростову и Романову. Согласно духовной, помимо московских сел великой княгине принадлежали Нерехта с солеваренным промыслом⁵¹, приобретенные ею у местных владельцев Усть-Шексна и Усть-Угла вместе с многочисленными селами в Пошехонье и Заволжье, целые волости и множество сел с тянущими к ним деревнями в Переяславле, Коломне, Можайске, Юрьеве, Костроме и Устюге. Кроме того, она получает земли в подчиненных Москвою Муроме и Нижнем Новгороде. Вдобавок, в пожизненное держание (как, собственно, и Ростов) ей переходит еще и по нескольку волостей от каждого из уделов ее сыновей. Всего в духовной грамоте Василия и в приписной грамоте к ней в качестве получаемых Марией Ярославной перечислено более 70 различных территориальных и административно-территориальных единиц: в смысле размера своего вдовьего удела она превосходила всех предшествующих и последующих великих княгинь. К тому же, как уже было сказано, одновременно с Ростовом под управление великой княгини

⁴⁹ АСЭИ. Т. 3. № 255: «От великие княгини Марии в Ростов и на Романов городок и на Ухру к мытником». Впрочем, порядок перечисления прямо соответствует и расположению пунктов на пути из Москвы, где грамота, судя по всему, была написана, в Глушицкий монастырь, представителям которого она выдается.

⁵⁰ Характерно, что в подтверждениях Марии Ярославны на село Ильи Борисовича ростовские князья названы перед наместниками великой княгини, что, видимо, отражает их более высокий по сравнению с теми декларируемый статус: «князи ростовские и наместницы и их тивуны ходят по тому, как в сей грамоте писано». Следует указать, что в пожаловании на двор в Ростове, данным Василием Васильевичем в период между 1444–1462 г. (АСЭИ. Т. 1. № 107; о датировке см.: *Городилин С. В.* Три жалованные грамоты на ростовский двор Троице-Сергиева монастыря // «По любви, в правду, безо всякие хитрости». Друзья и коллеги к 80-летию Владимира Андреевича Кучкина. М., 2014. С. 279–293), «князи ростовские» как обладатели судебно-административной власти в городе и округе также оказываются перед представителями великого князя — его «вопчими судьями и их тиунами».

⁵¹ Дворецким Марии Ярославны становится Яков Иванович Курица, незадолго до этого исполнявший в Нерехте обязанности всего лишь праведчика, и это может служить в том числе и косвенным свидетельством о значимости для княгини-матери Нерехотской волости.

на время малолетства Андрея Меньшого попадает еще и весь его вологодский удел. Земли, находящиеся под властью Марии, обширны и весьма разнородны, состав ее владений постоянно и при этом достаточно сильно меняется⁵², а никаких свидетельств, по которым центр управления всем огромным уделом был бы локализован именно в Ростове, мы не видим⁵³.

Если же говорить о том, что из принадлежащего княгине-матери было наиболее значимым с точки зрения политического статуса в великом княжении Московском и, видимо, чрезвычайно важным с экономической точки зрения, то нельзя не упомянуть завещанную ей «до ее живота» половину московской тамги «и всех пошлин»⁵⁴. Наместничества и волостельства в различных центрах владений Марии Ярославны были, разумеется, почетны и выгодны для ее бояр, но средоточием ее власти и местом принятия решений для тех, кто ей служил, являлся двор великой княгини, а он располагался там же, где и она сама, — то есть практически все время в Москве, в которой источники постоянно фиксируют ее местопребывание⁵⁵. Мнение А. А. Зимина о том, что Яков Иванович Курица был именно «дворецким в Ростове», не находит подтверждения в источниках. Более того, прямых известий о каких-то еще поездках Марии Ярославны в Ростов, помимо упоминавшегося эпизода лета — начала осени 1472 г., не имеется. Позиция, согласно которой двор великой княгини находится именно в Москве, и поступление ростовца к ней на придворную службу неизбежно подразумевает переезд в Москву, ясно выражена и в Житии Корнилия Комельского. Отец Корнилия Федор, «иже многимъ

⁵² К его важнейшим изменениям следует отнести получение Марией сел, завещанных невестке в 1451 г. Софьей Витовтовной, покупку княгиней-матерью до 1462 г. Романова и Усть-Углы, получение ею наследства мужа в виде Ростова, многих волостей и сел, и к ним — временно — вологодского удела, а также волостей из уделов ее сыновей в первой половине 1460-х гг., передачу Марией в 1473 г. Романова Андрею Большому и следовавшую компенсацию от великого князя в виде второй половины Ростова в 1474 г., и, наконец, передачу ему тому же Андрею в 1470-х — начале 1480-х гг. многочисленных сел из состава своего удела.

⁵³ Имеются выданные ею акты, которые адресованы в Ростов, но не сохранилось таких, в которых бы было прямо сказано об их выдаче в нем.

⁵⁴ Реальное взимание этой пошлины на доли великого князя Ивана и великой княгини Марии отражают и тексты дошедших полных грамот: АСЭИ. Т. 3. № 402, 403; АСЗ. Т. 3. № 171. Такую же часть московской тамги, к примеру, получал когда-то великий князь Семен Иванович — и то только после того, как его братья в 1348 г. «соступились ему на его старейшинство», оставив себе лишь по четверти (ДДГ. № 2). Серьезную роль в доходах и в политическом статусе княгини-матери должна была, насколько можно судить, играть и переданная ей по завещанию Василием Васильевичем «половина пошлин своих всех» в Нижнем Новгороде, еще недавно бывшем центром особого великого княжения.

⁵⁵ Вне Москвы, начиная с 1462 г. и до самой кончины, летописи отмечают княгиню-мать лишь однажды — во время упомянутой поездки в Ростов в июле 1472 г.; великая княгиня там сильно заболела, и к ней в сентябре прибыли сыновья (кроме оставшегося в Москве и неожиданно скончавшегося Юрия), впрочем, в ноябре 1472 г. Мария уже снова была в Москве: ПСРЛ. Т. 26. С. 221, 222, 225, 231, 233, 244, 247, 249, 252, 264, 265, 274, 275; Т. 20. С. 278.

богатствомъ цветущей паче всѣхъ въ градѣ», живет в «славномъ» Ростове. О нем узнают в Москве, в результате «преселитися ему от Ростова повеленно бысть во имя великия княгиня Марии», и только после того, как его брат Лукьян, уже служащий дьяком у княгини-матери, Федора «с детми пресели на Москву», сын Федора Корнилий, «еще сый въ юности», вслед за отцом также оказывается «в написании бысть единъ от всѣхъ двора сея благовѣрныя великия княгини Марьи»⁵⁶.

Кроме того, двор Марии Ярославны не был ростовским не только по месту расположения, но и по своему составу. В числе ее ближайших бояр и на наиболее значимых постах в уделе мы видим представителей старомосковских боярских родов. Ростовцев же в их числе не встречается. Степан Бородатый оказывается приближенным к великой княгине не как ростовец, а благодаря своему положению, достигнутому еще при Василии Васильевиче, и вместе с целым рядом других дьяков, служивших еще покойному великому князю⁵⁷. Судя по тому, что мы узнаем о роде св. Корнилия Комельского, и по тому, что о представителях других местных родов в этом смысле вообще ничего не известно, добиться каких-то серьезных вершин при дворе княгини-матери у ростовских людей не получалось. Это легко объяснимо их невысоким на московский взгляд служебным и родовым статусом в сравнении с возводящими себя к Редде Сорокоумовыми-Глебовыми, Акинфовичами Каменскими, идущими от Родиона Нестеровича Квашниными, Бяконтовичами, как конюший Марии Анания Петров, потомками Дмитрия Зерна Сабуровыми и пр.). В этом смысле общие наблюдения А. А. Зимина о том, что «удельные бояре были родичами московских», и в их отношении к местным привилегированным землевладельцам проявляются «обособленность» и «корпоративная замкнутость», что ослабляет «социальную опору удельных правителей»⁵⁸, в ростовском случае полностью подтверждаются. Уровень дьяка, достигнутый Лукьяном — это, пожалуй, наибольший успех⁵⁹. Из ростовцев Мария Ярославна «боярином

⁵⁶ Житие Корнилия Комельского. С. 306.

⁵⁷ Алексеев Ю. Г. У кормила Российского государства... С. 178.

⁵⁸ Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России... С. 293.

⁵⁹ См.: Стрельников С. В. Землевладение в Ростовском крае... С. 122. Дьяком Лукьян становится, видимо, уже при дворе великой княгини Марии, поскольку именно в этом качестве единственный раз упомянут в акте: АСЭИ. Т. 1. № 487). Может оказаться значимым и то, что, судя по всему, именно в связи с постригом Марии (ожидаемым или уже случившимся) в Кириллов Белозерский монастырь к тому же игумену Нифонту уходят и Лукьян, и двадцатилетний Корнилий, и брат Корнилия Акинфий: массовый уход в монахи часто знаменовал утрату служебных перспектив конкретной родственной группой и невозможность сохранения за ее членами даже достигнутого статуса (напр., см.: Городилин С. В. Между боярской службой и культом: Сергей Радонежский и ростовский княжеский род // Преподобный Сергей Радонежский: история и агиография, иконописный образ и монастырские традиции / Труды ГИМ. Вып. 202. М., 2015. С. 48–50). По мнению Ю. Г. Алексеева, двор княгини-матери после ее пострижения мог был быть распущен (Алексеев Ю. Г. У кормила Российского государства... С. 189),

своим» в упоминавшемся подтверждении называет Илью Борисовича. Однако из той же дошедшей в позднейших списках группы актов известно, что Иван Васильевич (после 27 марта 1462 г. уже подтверждавший ему как «боярину нашему» отцовское пожалование на ростовское село) предоставляет Илье в кормление как «своему боярину» волость в соседнем с Ростовом уезде. Где-то после 1467 г. Илья успевает послужить еще и Андрею Большому, получив от него волость, которую когда-то держал в Угличе еще от Василия Васильевича, однако затем князю Андрею служит сын Ильи Василий, а Марии Ярославне — брат Василия Даниил (оба они не именуются боярами), отец же их, насколько можно судить, в это время снова связан с более «честной» великокняжеской службой⁶⁰. В указной грамоте 1480 г. великий князь опять обращается к находящемуся в это время в Ростове Илье как к «боярину нашему»⁶¹. Можно заключить, что служба ростовца Ильи Борисовича княгине-матери оказалась не имевшим развития эпизодом, статус же «ростовского боярина» он унаследовал от отца и сохранил и при Василии Васильевиче, и при его сыне.

Наблюдения, согласно которым великая княгиня Мария ни сразу после 1462 г., ни позже, в 1470-х, не стала для всех ростовских вотчинников единственно возможным адресатом службы, подтверждаются и анализом сообщений об участии в различных конфликтах ростовских войск. В «стандартном» для средневековой Руси случае военная сила государственно-территориально-политических образований, княжений — это те, кто и в мирное время служит их правителям — своим князьям, исполняя там судебные и административные функции, то есть местные привилегированные землевладельцы — княжеские бояре и слуги и их отряды. Они составляли политическую организацию каждого конкретного социума, его нетитулованную знать. Наглядную иллюстрацию этому видим в летописном известии об организованном великим князем Дмитрием Ивановичем в 1375 г. общем походе на Тверь: с ним идут «князи мнози, кождо отъ своихъ градовъ съ своими плъкы», и применительно к Ростову это «князь Андреи Федоровичъ Ростовскыи... князь Василии Костянтиновичъ Ростовскыи, князь Александръ Костянтиновичъ, брат его». В последующих летописных известиях военные силы Ростова в рамках той же традиции определяются либо как «рать ростовская» (1386 г.), либо как «князи ростовские» (1411 и 1415 гг.): «ростовцы», на взгляд стороннего наблюдателя, — единая «рать», внутренние подразделения которой определяются распределением власти в Ростовском княжеском доме.

и хотя для того, чтобы установить это наверняка, данных явно недостаточно, ее уход в монахи в любом случае так или иначе подталкивал служивших ей людей к принятию решений о своей дальнейшей судьбе. Известно, что часть дьяков княгини-матери впоследствии обнаруживается на великокняжеской службе, а часть оказывается на службе у других сыновей Марии.

⁶⁰ АСЗ. Т. 1. № 66, 68–72.

⁶¹ АСЗ. Т. 1. № 72.

Для периода вскоре после получения великими князьями их доли власти в Ростове, к сожалению, детальных описаний не имеется. В походе на Казань 1469 г. к Нижнему Новгороду были направлены «Володимерци и Суздальци Клязмою, Дмитровци и Можайци и Угличане, Ярославци, Ростовци, Костромичи и прочии вси Волжане Волгою»⁶². Здесь мы видим лишь указание на участие ростовских сил, но без указания их структуры, состава и подчиненности. Рати собраны в блоки по «логистическому» признаку, в зависимости от того, каким путем они двинулись, и ростовцы названы тут среди представителей как великокняжеских (Ярославль, Кострома), так и удельных (Дмитров, Можайск, Углич) центров, но никаких связанных с этим деталей не приведено. В рассказе о походе московских войск под предводительством князя Даниила Холмского осенью 1473 г. в помощь Пскову тамошний летописец так описывает прибывающие отряды: «Воеводи и инии, и князи или дети боярьскийи великого князя двора или з городов бояре. Бе бо множество их видети, князеи единых 22, из городов: из Ростова, из Дмитрова, из Юрьева, из Моурома, из Костромы, с Коломны, с Переяслава и из иных городовъ»⁶³. Как видим, понять внутреннюю структуру ростовской рати снова невозможно: была ли она «однородно»-великокняжеской, или помимо ростовцев из числа великокняжеских детей боярских и бояр «з городов» как самостоятельные военные единицы в Псков прибыли и ростовские бояре и дети боярские двора великой княгини Марии, а также силы ростовских князей Борисоглебской ветви — для псковичей тогда это не имело значения. Однако Ростов был назван ими на первом месте в перечне исключительно великокняжеских городов. В других известиях рассматриваемого периода состав военных сил определяется перечислением предоставляющих или возглавляющих их князей московского дома, как, к примеру, в рассказе о походе на Новгород 1471 г., пошедших каждый «из своя отчины», но в этом случае ни княгиня-мать, ни Ростов не упомянуты.

К счастью, имеется такой ценный для понимания устройства военно-политических структур Ростовской земли во время существования удела Марии Ярославны источник, как Повесть о походе на Новгород 1477–1478 гг. Там названы маршруты движения, предписанные разным частям московского войска, а также достаточно подробно указан состав этих частей и их воеводы. Для нас там важно, что великий князь велел двинуться «по лъвои руцѣ от себя ис Торжъку на Дѣмон брату своему князю Андрѣю Меншему, а с ним воевода великого князя Василеи Сабуров с Ростовци и Ярославци и Угличаны и Бежачаны которые служат великому князю, и матере своей воеводѣ Семену Федоровичю ити Пѣшку з двором ее с нимъ же велѣл»⁶⁴. Как видим, в составе «колонны», возглавляемой обладателем вологодского удела Андреем Меньшим, помимо сил его

⁶² ПСРЛ. Т. 26. С. 226.

⁶³ ПСРЛ. М., 2000. Т. 5. Вып. 2. С. 195.

⁶⁴ ПСРЛ. Т. 25. С. 311.

собственного удельного двора идут и ростовцы — вместе с великокняжескими ярославцами, а также угличанами и бежичанами, земли которых находятся в уделе Андрея Большого, и всех их ведет Василий Федорович Сабуров, а вместе с ними идет и двор великой княгини с ее воеводой Семеном Федоровичем Пешком Сабуровым. Самым важным для нас тут оказывается специальное указание, что речь именно о тех ростовцах, ярославцах, угличанах и бежичанах, «которые служат великому князю»: становится ясно, что есть и другие угличане и бежичане — которые служат Андрею Большому и в военных действиях участвуют с его двором. Соответственно, есть и те ростовцы, которые служат великой княгине, и они в поход на Новгород идут отдельно — в составе двора Марии Ярославны и с ее собственным воеводой (как, очевидно, и служащие ей землевладельцы из прочих частей ее удела). Эту интерпретацию подтверждает параллель из истории Рязани, в которой до 1521 г. великому князю московскому, как ранее и в Ростове, принадлежала доля (треть): в памяти великого князя Василия Ивановича князю С. Ф. Курбскому 1514 г. упомянуты «рязанци дворовые и городовые, которые служат великому князю», «наши дети боярские рязанцы, которые нам служат, дворовые и городовые», и такие формулировки очевидным образом использованы именно для того, чтобы отделить этих «своих» для великого князя московского рязанцев от других рязанских бояр и детей боярских, упомянутых в том же акте, но служащих великой княгине рязанской Аграфене Васильевне⁶⁵.

То, что ростовцы великого князя и двор великой княгини идут совместно, одной дорожкой, а возглавляющие их воеводы-Сабуровы приходятся друг другу братьями (и известны актам как продавцы ростовской вотчины своего покойного брата Ивана⁶⁶), может породить впечатление, что отдельность

⁶⁵ Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1895. Т. 95 (Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турциею. Т. 2. 1508–1521). № 6. С. 93, 94.

⁶⁶ АСЭИ. Т. 1. № 444–446. Все три акта при публикации датированы С. Б. Веселовским временем между получением великой княгиней Ростова и ее кончиной, что публикатор определил как период 1474–1484 гг. Эти датировки, однако, следует несколько уточнить, поскольку власть в Ростове Мария, как было показано, получает все же несколько раньше 1474 г., а умирает не в 1484, а в 1485 г. Также заметим, что первый из актов, собственно купчая, где доклад великой княгине еще никак не фигурирует, мог быть в хронологическом отношении отдален от затянувшегося впоследствии раздела купли, которого братья-Ивановичи сперва ждали от своих дядьев и так и не дождались (это можно объяснить, например, тем, что Семен и Василий Федоровичи больше не появлялись в Ростове), что в итоге стало причиной даже обращения к судье великой княгини. Но вот два последующих документа, докладная, фиксирующая новое соглашение племянников о разделе, и собственно деловая, явно закрепляют действия, происходящие в тесной последовательности. С учетом этого, факт, что третий акт (№ 446) был доложен уже не боярину Марии, а великокняжескому боярину кн. Ивану Юрьевичу Патрикееву и, соответственно, должен быть датирован временем после 4 июля 1485 г., когда великая княгиня скончалась и власть в Ростове перешла к Ивану Васильевичу, заставляет предполагать большую близость

и самостоятельность этих единиц войска мнимая, но после прибытия к Новгороду они уже явно разделены: 19 ноября 1477 г. двор великой княгини с Семеном Сабуровым оказывается в «левой руке», у великокняжеского брата Бориса Волоцкого, а своим ростовцам с ярославцами, угличанами и бежичанами под началом Василия Сабурова великий князь велел быть «у себя в полку»⁶⁷. Таким образом, в военном отношении самостоятельные силы удела Марии Ярославны существуют, но представлены ее двором, не имея какого-то территориального определения. Однако одновременно с этим есть еще и ростовцы, которые служат великому князю, и которых явно достаточно много — настолько, чтобы специально упоминать о них. Для русских средневековых территориально-политических образований их военные структуры со всей неизбежностью отражают их внутрителическое устройство, и приведенный факт служит серьезным аргументом против представлений о территориально и политически автономном и однородном «Ростовском уделе княгини Марии».

Данный вывод дополняется и некоторыми другими наблюдениями. Имеется жалованная грамота великого князя Ивана Васильевича митр. Филиппу 1464 г., в которой митрополичим «приказщиком» запрещается принимать «людей моих, великого князя, писменных из моих сел, великого князя, и матери моее, великие княгини, сел», и, в свою очередь, приказщикам и посельским как великого князя, так и княгини-матери также предписывается не принимать людей из владимирских владычных сел⁶⁸. Это не связанное впрямую с Ростовом частное отклонение от обычного формуляра показательно, отражая не только равную заботу Ивана и о собственных экономических интересах, и об интересах Марии Ярославны, но и взгляд на владения княгини-матери как на находящиеся в ее «держании», но по-прежнему остающиеся под верховной властью великого князя и являющиеся по своей сути частью его великого княжения. В наиболее общем виде то же самое отношение к землям великих княгинь зафиксировано в упоминавшемся летописном описании удела Марии: «что есть властей и сел въ всем великом княженье, что бывало за великими княгинями прежними и что сам поимал у кого у измѣнников, многое множество, и прикупили что».

Применительно собственно к Ростову наиболее ярко эта позиция выражена в текстах докончаний Ивана Васильевича с братьями. Уже в договор 13 февраля 1473 г. с Борисом Волоцким вносится важное дополнение, по которому «режим» великого княжения распространяется и на земли, входившие в состав удела умершего Юрия Васильевича. Великий князь

к самому концу владения Марии Ярославны Ростовом и для второй грамоты, докладной ее боярину Даниилу Родионовичу Квашнину (№ 445).

⁶⁷ ПСРЛ. Т. 25. С. 313.

⁶⁸ АФЗХ. Ч. 1. № 210. Известны и другие акты, в которых великий князь устанавливает нормы, обязательные и для населения вотчин своей супруги, тещи или матери — великих княгинь (напр.: АСЭИ. Т. 1. № 265; АФЗХ. Ч. 1. № 146, 147, 148, 187).

добился согласия брата, что как то, чем Ивана «благословил отец мой князь великий Василей Василіевич, своею отчиною, великим княженіемъ в Москвѣ, и Коломною с волостми, и всѣм великим княженіемъ, и что есмь собѣ примыслил, или что собѣ примыслим», так и бывший удел Юрия в Москве, его города, волости и села, полученные Юрием и от отца, и от Софьи Витовтовны, Борис будет должен равно «блюсти» под великим князем Иваном и под его детьми, «и не обидети, и не вступатися», никак не претендуя ни на что из перечисленного⁶⁹. При этом в правленный список с договора включено пояснение, что в состав бывшего удела Юрия, переходящего под контроль великого князя, входит в том числе и Ростов, который Юрий должен был получить только после кончины Марии Ярославны, и который во время заключения договора еще находится, собственно, в составе ее удела⁷⁰. Еще детальнее то же самое демонстрируется в следующем dokonчании 1473 г., заключенном великим князем с Андреем Большим. Там повторено условие об уделе Юрия, полностью переходящем Ивану, со специальным упоминанием и Ростова, а по поводу уже даже личной собственности княгини-матери в ее Ростове — соляного колодца «у Соли Ростовские»⁷¹, который она дала Андрею — великокняжеской стороной признается, что тот «колодец твои и есть», но при этом указано, что Мария сделала эту свою куплю и дала ее Андрею «в нашей отчинѣ, в великом княженіе, в Ростовѣ»⁷². Тот же оборот употребляется в последующих правленных списках договора и применительно к другим переданным матерью Андрею ее куплям: «в нашей отчинѣ, в великом княженіе, в Переславль село Микитское и з деревнями, да в Ростовѣ Покровское, да Савинское, да Локсьомерь з деревнями, да на Костромѣ село Михайловское Сабурова» и т.д.⁷³ Таким образом, Ростов, подвластный в это время Марии Ярославне (и половина которого в это время все еще остается за младшей ветвью ростовских князей), оказывается в одном ряду с «обычными» великокняжескими Переславлем и Костромой: распоряжения княгини-матери по поводу ее собственных купель в ее собственном уделе могут быть санкционированы или не санкционированы великим князем. Не менее красноречиво в таком контексте выглядит то, что разбирательство по поводу границ данных Андрею Марией владений в ее уделе должны будут вести между собой представители обоих князей-братьев — без участия самой великой княгини. Таким образом, несмотря на высочайшее положение Марии Ярославны внутри Московского княжеского дома и на ее несомненное

⁶⁹ ДДГ. № 69. С. 225, 227.

⁷⁰ ДДГ. № 69. С. 230.

⁷¹ Соль Ростовская в источниках XV — нач. XVI в. — позднейшая подгородная ростовская Никольская слобода у Варниц, нынешний пос. Варницы.

⁷² ДДГ. № 70. С. 233. Красноречива также рабочая помета по этому поводу в одном из списков договора, отмеченная Л. В. Черепниным: «поговорити о колодызе»: *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы. Ч. 1. С. 172.

⁷³ ДДГ. № 70. С. 243, 248.

политическое влияние в самых значимых для великого княжения Московского вопросах, ростовские земли ее удела остаются под верховной властью великого князя, что связано и с их предшествующим статусом, и с их получением Марией лишь в пожизненное держание, и с тем, что купленная в 1474 г. вторая половина Ростова была дана княгине самим Иваном Васильевичем. Причем это абстрактное верховенство проявляется и во вполне конкретных и совершенно частных случаях, если речь заходит об особо чувствительных для ситуации внутри великокняжеского рода вопросах, затрагивающих экономико-политический баланс между братьями-Васильевичами⁷⁴.

Этому соответствуют и наблюдения по поводу собственной политики княгини-матери по отношению к ростовской части ее удела — в той мере, как она может быть реконструирована по сведениям источников. Как уже было сказано, следов деятельности, направленной на выстраивание особых отношений с местными элитами и на предоставление тем каких-то преференций, не обнаруживается: нет данных о специальном приближении Марией Ярославной к своему двору прежней ростовской знати⁷⁵ и о ее вкладах и пожалованиях местным духовным корпорациям⁷⁶. Взаимоотношения великой княгини с ростовскими архиепископами проще рассматривать не в ростовском, а, учитывая особенности тогдашнего статуса этих владык в политической системе великого княжения и в структуре Русской церкви, в московском столичном контексте⁷⁷. Окружение княгини-матери

⁷⁴ Поэтому невозможно согласиться с мнением, по которому Мария по воле Василия Васильевича стала (причем уже даже с 1462 г.) «верховой правительницей всех ростовских земель, включая и владения ростовских княжат, купленные Иваном III», а новый великий князь, купив у ростовских князей их оставшиеся владения и передав их матери, сам сохранил за собой всего лишь «право владения этими землями на тех же основаниях, на каких в 1462–1473/74 гг. в соответствии с духовной Василия Темного ими владели ростовские княжата» (Семенченко Г. В. Присоединение Ростовского княжества к Москве. С. 174; Стрельников С. В. Землевладение в Ростовском крае... С. 88).

⁷⁵ Показательно, что появление при дворе Марии отца св. Корнилия ростовца Федора прямо связывается с тем, что он был известен великому князю Ивану: «Той же Феодоръ не незнаемъ сый и самодержавному всея Русии, еже и преселитися ему от Ростова повеленно бысть во имя великия княгиня Марии» (Житие Корнилия Комельского. С. 306).

⁷⁶ Несомненно почитанию великой княгиней северных обителей белозерского и вологодского уделов ее сына Андрея Меньшого и ее зятя Михаила Андреевича, в первую очередь особо значимого для семейной истории Марии и Василия Кирилло-Белозерского монастыря, а также памяти св. Пафнутия Боровского (связанного с родным для всех потомков Владимира Андреевича серпуховским уделом) и избранного Марией Ярославной для покровительства, пострижения и последующего упокоения кремлевского монастыря Вознесения, ростовская ситуация явно противостоит: ее пожалование в Ростове, данное «московскому» Троице-Сергиеву монастырю, известно, по поводу же местных обителей источники, как уже говорилось, донесли лишь сведения об их потерях во время пребывания Ростова в составе Марииного удела.

⁷⁷ Ни один из ростовских архиереев на протяжении всего периода существования

использовало открывшиеся для него благодаря получению ею полномочий в Ростове особые административные и финансовые возможности, в том числе приобретая лично и способствуя, вероятно, выгодному приобретению своими родственниками, свойственниками и земляками вотчин в Ростовской земле, которую в это время (возможно, как раз из-за ее передачи во вдовый удел) начинают покидать ищущие более перспективных мест для службы местные землевладельцы, в том числе и представители ростовского княжеского рода. С этим, очевидно, можно связать появление в Ростове на землях, прежде принадлежавших его князьям, вотчин потомков Федора Сабура (старший брат упоминаемых в связанных с ростовским селом актах Ивана, Василия и воеводы Марии Ярославны Семена Пешка Михаил ранее передал княгине-матери часть своих родовых костромских земель⁷⁸), а также и их земляков Черемисиновых, примерно в то же время поменявших костромскую вотчину на ростовское село, к которому они быстро прибавили еще и новый прикуп⁷⁹. При наместничестве Григория Курицы Каменского в Ростове, вероятно, возникла и ростовская вотчина Курицыных⁸⁰.

Те же эксклюзивные возможности, связанные с фиксируемым источниками контролем аппарата великой княгини над земельным оборотом в Ростовской земле, явно были задействованы и для приобретения многочисленных ростовских сел и деревень «на имя» самой Марии Ярославны⁸¹. Как известно из докончаний 1470–1480-х гг., впоследствии эти владения целиком или в значительной части даются ею Андрею Большому. Думается, что скрытый политический подтекст, который историографическая традиция⁸² привыкла искать за этим фактом, вряд ли столь уж замысловат,

удела Марии до своего поставления на ростовскую кафедру не имел ярко выраженных связей с Ростовом. В этом смысле показательным и чрезвычайно частое в это время пребывание архиепископов ростовских в Москве (либо в их подмосковной резиденции Дорогомилове, откуда в 1480 г. Вассиан отправляет свое знаменитое послание великому князю на Угрю (ПСРЛ. Т. 26. С. 273); см. также: *Городилин С. В.* Московская вотчина ростовских епископов: к вопросу о ранней истории Дорогомилова // Археология русского города. Материалы научно-практического семинара 2019 г. / Труды Столичного археологического бюро. М., 2020. Т. 4. В печати).

⁷⁸ *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 171.

⁷⁹ АСЭИ. Т. 1. № 339, 444–446.

⁸⁰ *Стрельников С. В.* Землевладение в Ростовском крае... С. 110.

⁸¹ Как можно судить, вряд ли такие сделки княгиня заключала лично. В качестве ее агентов при совершении купель могли выступать дьяки, как, например, Степан Бородатый (АСЭИ. Т. 1. № 386).

⁸² Г. В. Семенченко даже саму покупку Борисоглебской половины Ростова у владевших ею ростовских князей Иваном Васильевичем объяснял опасениями великого князя по поводу возможных претензий со стороны Андрея Большого на содействующий с Угличем и связанный с тем в церковном и историческом смысле Ростов, полагая, что передачей сел Мария помогала Андрею «укреплять позиции в ростовских землях» (*Семенченко Г. В.* Присоединение Ростовского

представляя лишь развитие процесса, начало которому было положено уже в 1473 г. передачей Марией тому же Андрею Романова: в ситуации напряжения между сыновьями мать стремилась путем предоставления Андрею дополнительных владений (ее купель, которыми она распоряжалась сама) удержать его от возможного обострения конфликта со старшим братом — великим князем. В этом смысле применительно к Ростову стоит заметить, что Андрею матерью даются не исключительно ростовские села. То, что именно ростовских среди них больше всего, понятным образом связано с особым статусом княгини в Ростовской земле, где обеспечиваемые доходами с территорий всего ее удела и получением ею московских и нижегородских пошлин финансовые средства было удобнее всего вложить в скупаемые земельные владения. Таким образом, в первую очередь Ростов использовался Марией Ярославной в качестве собственного экономического и земельного ресурса для разрешения внутренних противоречий в ее семье, а также, наравне с другими частями удела, для поддержки и обеспечения ее ближайшего окружения, в значительной мере происходящего из московских боярских родов и, соответственно, из великокняжеских земель.

Судя по тому, что мы знаем о поведении и о перемещениях коренной ростовской знати в период существования удела Марии Ярославны, ростовцы вполне осознавали и эту далеко не самую высокую роль, отведенную Ростову в политике великой княгини, и те непреложные факты, что в составе ее двора они неизбежно останутся на менее заметных позициях в сравнении со знатными представителями старомосковских родов и что статус и честь, которые можно бы было приобрести на службе вдовой госпоже, в сравнении с великокняжеской службой или даже со службой великокняжеским братьям у них почти не имелось шансов передать по наследству своим потомкам, поскольку после кончины великой княгини и ее двор, и ее удел неизбежно прекращали существовать как самостоятельные политико-административные единицы.

Если попытаться реконструировать обстановку в Ростове перед передачей его великой княгине, то придется отметить уже давно устоявшуюся

княжества к Москве... С. 174); С. М. Каштанов предполагал переход данной Андрею матерью ростовской Локсомери в состав удельного Углича, и даже само возникновение Рождественского стана Ростовского уезда на границе с Угличем счел политическим ответом на гипотетические угличские притязания на земли Ростова (*Каштанов С. М.* Формирование Ростовского уезда в XVI — XVI вв. Ч. 1. Рождественский стан // История и культура Ростовской земли (далее — ИКРЗ) 1995. Ростов, 1996). Укажем лишь, что церковная подвластность Углича полностью подконтрольной Москве ростовской кафедре вряд ли добавляла какие-то возможности Андрею Васильевичу, скорее наоборот, и что князь Андрей письменно отказался от всех прав на Ростов еще до сделки зимы 1473/1474 г., которая впрямую никак не влияла на status quo в отношениях братьев-Васильевичей. Отметим к тому же, что переход владельческих прав на отдельные села не мог, разумеется, изменять политико-административных границ. Убедительную критику построений Каштанова см. также: *Стрельников С. В.* Землевладение в Ростовском крае... С. 32, 90.

к этому моменту множественность и вариативность адресатов службы для владельцев ростовских вотчин. Часть прежней местной знати продолжала служить ростовским князьям, а часть, как мы знаем по примеру Ильи Борисовича, еще с первой четверти XV в. уже перебирается на великокняжескую службу. Одновременно в Ростове начинают приобретать земли и служилые люди из московских родов, как, например, Владимир Андреевич Зворыкин⁸³. В 1462 г. ситуация только усложняется: Ростов завещан вдове Василия Васильевича, но власть в нем на время получает новый великий князь. Насколько возможно судить, как минимум те ростовцы, кто служил еще его отцу, имели при этом шанс остаться на великокняжеской службе. Знатные представители старомосковского боярства, купившие села в Ростове, также, разумеется, предпочитали служить Ивану Васильевичу⁸⁴. Те из местной нетитулованной знати, кто не попадал на великокняжескую службу, и не пытался подобно Лукьяну и Федору с Корнилием поискать счастья на службе Марии, но в то же время не решался и покинуть родные земли, как можно заключить из позднейших данных, обладали возможностью остаться на службе у ростовских князей (даже и спустя долгое время после продажи теми власти в Ростове⁸⁵) или служить ростовским архиепископам⁸⁶, впрочем, все эти варианты в итоге неизбежно вели к снижению социального статуса избравших их родов.

Ситуация с самими ростовскими князьями в это время тоже весьма сложная. Применительно к периоду самостоятельного княжения Василия Васильевича есть только упоминавшиеся свидетельства о том, что

⁸³ АСЭИ. Т. 1. № 114, 185, 243.

⁸⁴ В период после 1462 г., насколько можно судить, возникают ростовские вотчины А. М. Плещеева и В. Б. Тучка Морозова. В своей духовной 1491 г. Плещеев указывает, что приобрел ростовское село Приимково с деревнями у князя Дмитрия Приимкова (из старшей ветви ростовских князей) «по государя своего жалованью великого князя»: поскольку имя великого князя не приведено, речь явно идет о продолжающем княжить и в момент написания духовной Иване Васильевиче. При этом там же сказано, что впоследствии к этому селу завещатель прикупил еще и деревню «у попа Ионы Сергеева монастыря» и у его братьев (АСЭИ. Т. 1. № 562). С учетом того, что иером. Иона фигурирует в троицких актах только в 30-х — 40-х гг. XV в., обе эти ростовские купли А. М. Плещеева должны были состояться как минимум до 1485 г., и первую из них, право на которую было пожаловано великим князем (о предоставляющих такое право особых актах см.: *Назаров В. Д.* Из истории вотчины Северо-Восточной Руси в XV в.: «Грамоты ослобожонные» // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы X—XXI вв.: источники и методы исследования. Рязань, 2012), наиболее разумно отнести ко времени вскоре после 1462 г., когда Ростов еще не был передан под контроль Марии Ярославны.

⁸⁵ См.: *Стрельников С. В.* Грамоты из архивов ростовских монастырей // РД. М., 2001. Вып. 7. № 3. С. 10, 12. Упомянутый в разъезжей XVI в. в качестве слуги кн. Ю. И. Темкина-Ростовского Молчан Иванов сын Сукина принадлежал, как отмечено публикатором грамоты, к старинному ростовскому служилому роду (см. также: *Стрельников С. В.* Землевладение в Ростовском крае... С. 132.

⁸⁶ *Стрельников С. В.* Землевладение в Ростовском крае... С. 125—141.

расставшийся с наследной властью в Ростове Александр Федорович и его сын Дмитрий, скорее всего, служили великому князю⁸⁷. О том, что с представителями местной династии происходит после 1462 г. сведений еще меньше. Некоторые, видимо, как, к примеру, князь Андрей Голенин из той же старшей ветви ростовских князей, вообще покидают вскоре после 1462 г. Ростовскую землю, взамен оставленных получая вотчины в уделе нового господина⁸⁸. Представители младшей ветви, судя по всему, вплоть до продажи Владимиром Андреевичем от их имени власти на половине Ростова, составляют возглавляемую Владимиром территориально-генеалогическую корпорацию и до 1473–1474 г. находятся под его началом. Как именно меняется положение с ними после этого, судить достаточно трудно. Судя по имеющимся сведениям, при дворе Марии Ярославны и на каких-то постах в ее уделе князей из обеих ветвей Ростовского княжеского дома ни до, ни после этого не наблюдается, хотя и за теми, и за другими по-прежнему остается значительная часть их собственных ростовских земельных владений⁸⁹. Возможным объяснением этому может быть несоответствие доступных для них на службе этой госпоже вариантов их представлений о собственном статусе: как выше было сказано, прежде, до 1474 г., сохранявшие долю власти в городе ростовские князья младшей ветви в актах даже указывались перед наместниками великой княгини или представителями великого князя. Во всяком случае, первые прямые сообщения о службе ростовских князей великому князю Ивану Васильевичу относятся уже ко времени после кончины Марии Ярославны, когда наряду и с нетитулованными ростовскими служилыми родами значительная часть их испомещается в присоединенной Новгородской земле⁹⁰.

⁸⁷ Существует также определенная вероятность того, что упомянутый в качестве находящегося на службе великому князю тверскому Борису Александровичу в момент обострения конфликта Василия Темного и Дмитрия Шемяки некий князь Дмитрий Федорович — это младший брат князя Александра Дмитрий Федорович Приемок Ростовский (*Лихачев Н.П.* Инока Фомы слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче. СПб., 1908. С. 47).

⁸⁸ ДДГ. № 71. С. 251; АФЗХ. Ч. 2. № 15, 41.

⁸⁹ В отличие, например, от князей Белозерских, часть из которых служат Михаилу Андреевичу и Андрею Васильевичу, или от Волоцкого удела, где представитель давно расставшейся с властью в Ростове старшей ветви его княжеского дома Андрей Федорович Голенин обретает высокий статус боярина и воеводы князя Бориса Васильевича. О землях князей Ростовских, сохранившихся в их родовой отчине см.: *Городилин С.В.* К вопросу о родовых владениях ростовских князей после прекращения существования Ростовского княжества // ИКРЗ. 2012. Ростов, 2013. С. 55–65.

⁹⁰ Юрий Дмитриевич Ростовский из младшей линии младшей ветви погиб в походе на Казань летом 1487 г., а незадолго до этого, вероятно, наместничал в Русе; сыновья Владимира Андреевича и их двоюродные братья и племянники сопровождают великого князя в его поездке 1495 г. в Новгород (Памятники истории русского служилого сословия. М., 2011. С. 174; *Антонов А.В.* Родословные росписи конца XVII в. М., 1996. С. 89–90; Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 25).

Таким образом, из источников 60-х — первой половины 80-х гг. XV в. возникает картина резко нарастающей с 1462 г. динамики трансформаций служебных связей в Ростовской земле данного периода, а также поливариантности таких связей, что неизбежным образом способствовало их не слишком высокой стабильности. Складывающаяся картина убедительно дополняет и хорошо известный факт интенсивных перемещений служилых людей между дворами великой княгини и ее сыновей. Внутреннее единство существовавшей в период самостоятельности Ростовского княжения общности его служилой знати начинает постепенно размываться еще с конца первой четверти XV в., но именно с момента завещания Ростова великой княгине Марии Ярославне этот процесс, насколько можно судить, усиливается особенно резко, становясь уже очевидно необратимым. Прежде единая ростовская знать расходится на службу к разным, как принято выражаться, сеньорам, что зачастую сопровождается и продажей отчинных владений, и уходом из ростовских земель. При этом те, кто не собирался в дальнейшем служить московской держательнице Ростова, присутствуют как среди продавцов ростовских вотчин, так и среди их покупателей⁹¹. Новое ростовское служилое сообщество, отраженное в своей наиболее статусной части соответствующими разделами Тысячной книги и Дворовой тетради, а также (уже в значительной мере ретроспективно) немногочисленными ранними десятинами по Ростову, «Сыскным» списком 1616 г. и Ростовскими писцовыми книгами 1629–31 гг., формируется на протяжении середины XV — первой трети XVI вв., при этом даже его восходивший к местным родам эпохи независимости элемент не представлял собой общности по отношению к пришлым семействам, а уже был полностью инкорпорирован в единую с теми структуру обычного уездного служилого «города».

Удел княгини-матери, несмотря как на его впечатляющую величину, так и на высокий в формальном отношении политический статус и реально огромное влияние на политику московского великого княжения его обладательницы, оказывается принципиально отличным от современных ему уделов великокняжеских братьев и сородичей. Это касается и уровня политической власти великой княгини Марии Ярославны над подконтрольными

⁹¹ Со службой великому князю может быть связан предполагаемый В. Д. Назаровым факт присутствия ростовских вотчинников А. Ф. Пильмова-Сабурова и М. и Д. Ф. Черемисиновых в ноябре — начале декабря 1480 г. на Белоозере вместе с Софьей Палеолог и детьми великого князя: гипотеза, что эти ростовцы входили в состав двора княгини-матери, который, следовательно, с приближением ратей Ахмата целиком или в значительной части был отправлен на Белоозеро, в то время как сама Мария села в осаду в Москве, кажется нам все же менее вероятной (иное мнение см.: *Назаров В. Д.* Два эпизода из хроники событий осени 1480 г. // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* 2019. № 1 (75). С. 94). Заметим здесь, что возглавившие великокняжеских людей в этом походе с казною и с семьей Ивана Васильевича к Белоозеру А. М. Плещеев и В. Б. Тучко-Морозов (ПСРЛ. Т. 20. С. 339) тоже, как и Пильмов-Сабуров с Черемисиновыми, известны как владельцы вотчин в Ростове, что не мешало им служить, разумеется, великому князю.

ей территориями, и степени политической централизации ее удела, и степени политической консолидации его элит. Если применительно к Белоозеру, Вологде, а особенно к Волоку и к Угличу определенные резоны так или иначе предполагать некие формальные или даже осязательно реальные претензии на самостоятельное княжение и на существование собственно удельного княжества, в какой-то мере оказывающиеся общей политической программой как удельных дворов, так и местной служилой знати, имеются, то минимально убедительных оснований для того же в случае полученного великой княгиней в пожизненное держание Ростова обнаружить уже не удастся. «Ростовское удельное княжество» при отсутствии в Ростове как княжеского стола, так и двора княгини-матери выглядит, скорее, историографическим фантомом. Поэтапный переход Ростова и его округа под власть Марии Ярославны не способствовал сохранению и поддержанию единства прежней ростовской знати, напротив, сыграл роль чрезвычайно мощного стимула, подстегнувшего деконструкцию этой общности. Причем в ростовском случае вряд ли есть смысл говорить о некоем прямо направленном на это одномоментном административном акте центральной власти, подобном описанному Ермолинской летописью под 1463 г. применительно к Ярославскому княжению: для Ростова очевидна большая протяженность во времени, сложность, многоэтапность и многоэлементность, а порой даже и разнонаправленность протекавших там социально-политических трансформаций, итогом которых, однако, стало возникновение обычного уезда Московского государства и обычной уездной служилой корпорации. Финальным аккордом в этом процессе оказались массовые испомещения титулованных и нетитулованных ростовцев, произведенные уже вскоре после кончины Марии Ярославны, в присоединенной Новгородской земле, и та видимая безболезненность, с которой они были осуществлены, своей основой в случае Ростова имела, насколько можно судить, предшествовавшее почти четвертьвековое пребывание города и его округа в составе удела княгини-матери, случайно или в той или иной мере преднамеренно послужившее чрезвычайно удобной и эффективной формой для изживания социально-политических реликтов ушедшей эпохи ростовской независимости.